

МИМОХОДОМ

Где бы ни приходилось бывать: Нижняя Волга, Владимиро-Суздальская Русь, окрестности Ельца, столица, Переславль-Залесский, Питер, русские села Мордовии, вокруг – родные русские лица. Вглядываюсь в них, вслушиваюсь в их речь, их истории, услышанные на лету. И радостно почему-то оттого: до чего же они все разные – сами люди и отголоски древней живой речи каждого из этих мест, не до конца стершейся и не снивелированной мертвым газетным языком. Словно глоток живой воды принимаю, услышав округлость суздальской речи, мягкость елецкого говора. И как ни прячет ее елецкая молодежь, стесняясь сказочной дедовской речи, все одно проскочит «Колька у в хораде живеть». И как ни пытается говорить «как все» «па масковски» парень из Владимира, все равно как слышится, так у него и пишется: «пятнадцать с половиною». Все это с молоком матери. Сказал – как по головке погладил! Правда, сюжеты мимоходом услышишь не всегда веселые, но в них ведь и время наше...

* * *

В автобусе, ждущем отправления на Чернаву, сидят рядом дородная тетка, одетая «как городская», и сухонькая сморщенная, но шустрая бабуся.

– Микитишна, как там мои у деревне?

– Да ничаво, картохи убрали у середу. Ленкя жанилси. Уж друхая неделя пошла.

– Да ну? Пичиникин?

– Трахвимава, твоему Вовке племянник троюрнай. У Пичиникина малому уж друхой ход, сам нииде не работая, дома сидеть телевизир хлидить.

– Как свадьба-то была?

– Ой, свадьба была-а... больша-ая, человек с полсотни. С ево стороны родня своя, чернавская, с Казаков, с Измалковой... Свадьба бохатая, бряхать не буду, колбаса была – усяковская. Двух сортов.

– А кто ж невеста, чернавская?

– Нет елецкая.

– А живут иде ж.

– Там, у нее, у хораде. Улица Сошейная.

Тетка сидит, что-то думает, потом поправляет:

– Шоссейная.

– А я и хворю, Сошейная. У Засоснай. Свой дом. Я у них была, как сватать ездили. Просторнай, хазом топют. Комнатей однех три аль чатыри. Как заходишь – вот так калидор, а вот тах-та комната... Бахатаи.

Водитель весело взбежал по ступенькам, качнув автобус, привычно сел в свое кресло, нагнувшись, оглядел салон в висящем перед ним зеркале, шумнул:

– Все сели? Подымите руки, кого нет! – и, подождав секунду, скрипнул складными дверей и шумно завел двигатель. Наклонив голову к уху соседки, бабка всю дорогу делилась с ней деревенскими новостями.

* * *

В городском автобусе, бабка:

– Ой, шчо ж ты стоишь как камяннай, поторонись, – после безуспешной попытки подвинуть соседа, кряхтя, снова, – ды шчо ж ты никак не подвинисси?

Рядом стоящая тетка со сбившимся платком глядит на нее через руку:

– Да ты нажмай сильнея... Жмани яво, жмани!

* * *

На базаре:

– А вот яблочки морозвые! Кому яблочкя морозово!

* * *

Водитель Пальна-Михайловского автобуса, стоя на бампере, протирает лобовое стекло. Спрыгнув, проверяет билеты у подходящих пассажиров. Внимательно осмотрев стекло, вновь забирается на бампер, трет его. Из-за низенького здания автостанции выворачиваются две фигуры, неуверенными шагами, покачиваясь, идут к автобусу. Мужики, лет сорока, один из которых, меньший ростом, с трудом держит равновесие и не падает лишь поддерживаемый

дружком. У автобуса останавливаются. Другой, длинный и менее пьяный, изо всех сил старающийся показаться трезвым, дергая головой, спрашивает:

– Эт- та... На Михалл... – собравшись, повторяет. – На Миха...лвку?

– А шчо, не видишь? – показывает шофер на трафаретную надпись за лобовым стеклом.

Длинный утвердительно кивает, доставая подбородком до груди, роется в карманах; набрав горсть мелочи, протягивает шоферу. Тот сверху отвечает:

– Билеты у кассе. Стою еще десять минут. Успеешь.

Длинный, не споря утвердительно машет одновременно рукой и головой: понял, затем подводит друга вплотную к автобусу, кладет его руку на бампер и пока тот смотрит сквозь него остановившимся взглядом и вытягивает губы, длинный говорит ему:

– Колюха, стаи возля, – и уходит за билетами.

* * *

Март. Приехал на два дня в деревню по оттепели, а во вторую ночь перед отъездом завьюжило, замело деревню по самые окошки – не выбраться. Переваливаясь по сугробам, добрал до соседа. По всей деревне – ни следа, возле его крылечка – тоже. Вся жизнь теперь – в доме и в хлеву.

– Ой - да замяло; хорошо, хоть картохи у доме, цельная вядро, да дрова вон: и идтить никуда ня надо, – Алексей Василич, семидесятилетний мужик, живет один. – Как жа ты добираться то будешь у в Озерки? Снегу сколько!

Говорим на вечную российскую тему – про бездорожье. Вспоминая что-то, смеется:

– Тут один малай осенью у самую хрязь ехал - ехал из Знаменки, остановилси наспроти у колонки, ховорить: ды как жа вы тут живетея! Ета ж Таруханской край какой- та! Ну, я яму: Как живем? Да живем жа ведь!

* * *

В самом деле, снегу навалило столько, что ничем никуда не добраться. Иду, рассчитывая на свои ноги, добрался за 14 километров по дороге, превратившейся в снежную целину до самого большака. В попутный автобус по дороге подседа старуха на восьмом десятке лет с сумками напереметную и сразу видит знакомую:

– Манька! А я учарась сунулась идтить: суляла-суляла, ды назад. Снегу-та намяло!

– Ды ой!

– У вас у Трасном столько жа?

– Нет, усе мимо...